

УДК 81'23

DOI: 10.17223/19986645/66/5

О.Ю. Крючкова, Н.В. Крючкова

АССОЦИАТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ: ФАКТОРЫ ВАРИАТИВНОСТИ И ДИНАМИКИ

На материале производных имен существительных исследованы проявления деривационной стратегии осознания слова в ассоциативно-вербальных реакциях носителей русского языка: ассоциирование по линии корня-основы, по линии структуры и семантики словообразующего средства. Показаны взаимодействия деривационных и тематических ассоциаций в процессах восприятия слова, вариантный и динамический характер деривационных связей производных слов в ассоциативно-вербальной сети носителей языка.

Ключевые слова: производное слово, вербальные ассоциации, деривационные связи слов, языковое сознание.

Введение

Исследователями словообразования неоднократно отмечалась специфика производных слов, обусловленная многообразием и разносторонностью их структурных и семантических связей, их явно выраженной двойной референцией – к миру действительному (мыслимому) и миру языка. Принято считать, что производное слово в отличие от слова непроизводного в большей мере обращено к внутриязыковым структурам, в большей степени подвержено внутрисистемным влияниям. Внутрисистемные связи производных слов хорошо показаны в структурно-семантических описаниях словообразовательной системы русского языка, моделирующих алгоритмы словопроизводственной деятельности в виде словообразовательных моделей, выделяющих способы организации лексических единиц в виде крупных их объединений – макроединиц (разносторонняя структурно-семантическая характеристика системы русского словообразования представлена в работе [1. С. 131–450]).

Достижения отечественной словообразовательной дериватологии не ограничиваются фундаментальными структурно-семантическими построениями, базирующимися на масштабном лексическом материале русского языка. Интерес к реальному протеканию словопроизводственной деятельности носителей языка, ее мотивам и механизмам, оформился в такие направления дериватологии, как «словообразование и текст», «когнитивное словообразование» (см., например, работы Е.Л. Гинзбурга, Н.Д. Голева, Е.А. Земской, Е.С. Кубряковой, Б.Ю. Нормана, Л.В. Сахарного, Т.И. Вендиной, Л.А. Араевой, О.Ю. Крючковой, Е.В. Король, М.Г. Шкуропацкой, А.М. Кыртеле, И.В. Евсеевой). Морфемная семантика перестает быть «вещью в себе», традиционной лингвистикой для лингвистов, какой она оставалась еще 20 лет назад, по замечанию М.А. Кронгауза [2. С. 204].

Изучение актуализованных в речи (в разных типах текстов, в том числе в метатекстах – естественных и полученных экспериментально) мотивационных отношений слов, масштабно развернутое под руководством О.И. Блиновой представителями томской лингвистической школы с середины 70-х гг. XX в. и сформировавшее особое направление деривационной лингвистики – мотивологию ([3–7] и др.), высветило многообразные аспекты осознания говорящими (прежде всего диалектоносителями) феномена мотивированности слова, особенности восприятия и коммуникативного использования ими взаимообусловленной связи формы и значения мотивированного языкового знака.

Проблема психологического осознания производных слов изучалась в 1970–1990-е гг. Л.В. Сахарным. Данные, полученные в ходе проведенных им направленных психолингвистических экспериментов, свидетельствовали о влиянии коммуникативных факторов (коммуникативной ситуации, коммуникативной компетенции говорящих) на характер восприятия производных слов (их структуры и семантики) и способы конструирования (напр., [8–10]).

Экспериментальные текстоориентированные исследования деривационных (мотивационных) представлений (знаний) и произвольных ассоциаций говорящих активно осуществляются в 1990–2000-е гг. Н.Д. Голевым и его учениками (напр., [11–14]), представителями кемеровской дериватологической школы ([15–18]). Собранный в ходе массовых деривационных ассоциативных экспериментов материал (концепция и методика ДАЭ предложена Н.Д. Голевым, см. [19, 20]) позволил сформировать концепцию деривационно-ассоциативного словаря, отражающего лексико-деривационную языковую способность носителей русского языка и особенности речевой реализации деривационных отношений [21. С. 20].

Появление новых источников языкового материала – ассоциативных тезаурусов – становится стимулом для дальнейшего развития науки о русском словообразовании в направлении изучения актуальной словопорождающей деятельности говорящих. На материале двух ассоциативных словарей («Словаря ассоциативных норм русского языка» под ред. А.А. Леонтьева (М., 1977) и «Ассоциативного тезауруса современного русского языка», создававшегося в 1980–1990-е гг. под руководством Ю.Н. Караулова в Машинном фонде русского языка) Ю.Н. Карауловым были описаны представленные в их ассоциативных статьях словообразовательные структуры – объединения слов-реакций по типу словообразовательных гнезд (однокорневые реакции), по общности способа словообразования и типового строения производных слов (словообразовательного типа) [22].

Ю.Н. Караулов отмечает «значительную распространенность словообразовательных отношений» в ассоциативно-вербальной сети в целом, что само по себе указывает на актуальность их разностороннего изучения, в том числе с учетом дифференциации ассоциативно-вербальных связей слов производных и производных. По мнению ученого, обращение к данным, полученным в ходе массовых психолингвистических (ассоциа-

тивных) экспериментов, служит тем инструментом, который дает возможность ответить на вопрос, «как человек владеет словообразовательной системой», «насколько лингвистические описания закономерностей и правил словообразования соответствуют реальным деривационным механизмам и алгоритмам построения слов в процессах речепорождения», – вопрос, который, по выражению Ю.Н. Караулова, «соизмерим по своей фундаментальности с ответом на вопрос о том, что есть знание языка» [22. С. 139].

Внимание Ю.Н. Караулова было обращено прежде всего к совокупной ассоциативно-вербальной сети (АВС) носителей русского языка, выявлению способа существования всей грамматики в АВС. В соответствии с этой задачей автор прибегает к методу «кроссанализа» словообразовательных отношений, устанавливая их «на всем массиве фрагмента сети», представленного ассоциативными статьями изучаемых источников (например, «отыскивая члены словообразовательного гнезда и его корень, или «мотивон», невзирая на границы между статьями») [Там же. С. 141].

Представленные Ю.Н. Карауловым общие контуры словообразовательных связей, существующих в АВС носителей русского языка, несомненно нуждаются в дальнейшем изучении и конкретизации. Актуальным, в частности, являются исследование факторов вариантности и динамики словообразовательных отношений в АВС, выяснение лингвистических и экстралингвистических условий (стимулов) актуализации разных типов деривационных отношений, анализ характера взаимодействия деривационных и понятийных / тематических связей производных слов в АВС носителей языка.

Задачи исследования:

1. Выявить характер влияния деривационных свойств производных слов на процессы вербального ассоциирования по линии корня-основы (отсылочной части производного слова), по линии словообразующего средства (формантной части производного слова).

2. Проследить взаимодействие деривационных и понятийных / тематических связей производных слов в АВС носителей языка (в том числе с учетом возраста респондентов).

3. Сделать предварительные выводы об актуальных механизмах осознания говорящими структурно-семантических компонентов производного слова (предварительность выводов обусловлена количественной и частеречной ограниченностью исследованной выборки, см. ниже).

4. Показать значимость изучения деривационной стратегии вербального ассоциирования для моделирования «деривационных» фрагментов АВС (организованных на основе деривационных связей слов) и реальных (осуществляемых в речевой деятельности говорящих) процессов словопорождения.

Характеристика выборки. На материале двух крупных ассоциативных словарей (Русского ассоциативного словаря: ассоциативные реакции школьников I–XI классов (РАСШ) [23] и Русского ассоциативного словаря (РАС) в бумажной [24] и электронной [25] версиях) мы проследили характер деривационных связей в тех ассоциативных статьях, где стимулами (заголовочными единицами статей) выступали производные имена суще-

ствительные. Среди них слова разной словообразовательной структуры, разных типов словообразовательной семантики. Единицы исследуемой выборки репрезентируют также некоторые виды парадигматических отношений. Отобранные для исследования стимулы (их ассоциативные статьи) представлены в абсолютном большинстве случаев в обоих названных ассоциативных словарях. Это:

- слова-стимулы с разной производящей базой: отглагольные (*впечатление, голосование, предложение, молчание, сражение, передача, выборы, дружба, выставка, вешалка, воин*), отадективные (*простота, старец, волшебник*), отсубстантивные (*птенчик, матушка, госпожа, кубики, бандит*) производные слова;

- слова-стимулы с разными типами словообразовательной семантики: с мутационным, транспозиционным, модификационным словообразовательными значениями (ср. соответственно: *выставка, волшебник* и др.; *голосование, молчание, простота* и др.; *птенчик, матушка*);

- слова-стимулы, соотносимые со словообразовательными моделями разной продуктивности и характеризующиеся неодинаковой прозрачностью своей морфемной структуры (ср.: *голосование, простота* и *передача, госпожа*);

- слова-стимулы, объединенные принадлежностью к одной деривационной макроструктуре – одному словообразовательному типу (*впечатление, голосование, предложение, молчание*) или одной словообразовательной категории¹ (ср.: *птенчик, матушка*).

Для верификации данных о характере корреляции деривационных и понятийно-тематических ассоциативных связей производных имен существительных дополнительно на материале РАС были исследованы прямые и обратные ассоциации в группе производных слов, объединенных общностью словообразовательного типа / словообразовательной категории и находящихся в отношениях лексической синонимии (*учитель, преподаватель, наставник; учительница, преподавательница, наставница*).

Деривационная разнородность единиц выборки позволяет принять во внимание значительный спектр факторов, влияющих на специфику процессов вербального ассоциирования.

Общий объем исследованного ассоциативного материала составил 26 767 ассоциативных реакций².

¹ В работе принят широкий взгляд на границы словообразовательной категории, согласно которому в ее состав включаются производные слова с общим словообразовательным значением (напр., лицо-агенса, мелиоративное значение) независимо от частеречной принадлежности производящих слов. Такие объединения производной лексики могут быть охарактеризованы как семантико-словообразовательные категории (см. использование этого понятия и соответствующего подхода в кандидатской диссертации Т.В. Кузнецовой [26]).

² Несмотря на отмеченную выше ограниченность исследовательской выборки, ее можно признать репрезентативной для квалификации наблюдаемых отношений в качестве закономерных. Ср. мнение Ю.Н. Караулова: «500–700 реакций-ответов являются

Результаты исследования

1. *Ассоциирование по линии корня-основы (словообразовательные гнезда в ABC)*. Стратегия ассоциативного реагирования на слова-стимулы однокоренными словами была подробно охарактеризована нами в статье, посвященной явлению гнездования в ассоциативных полях производных имен существительных (см. [27]). Здесь кратко резюмируем полученные ранее результаты.

1. Наши наблюдения показали, что ассоциирование по линии корня-основы (гнездование) – явление регулярное. Реакции с тем же корнем, что и стимул (гнезда стимула), отмечены во всех проанализированных ассоциативных статьях¹. Однако доля гнездовых реакций в целом относительно невелика, реакции однокоренными словами составляют в большинстве ассоциативных статей (в 21 из 25 рассмотренных) менее 15% от общего числа реакций (хотя объем гнездового реагирования на разные стимулы колеблется в диапазоне от 0 до 35%).

2. Активизация гнездовой стратегии реагирования наблюдается в следующих случаях:

а) стимул имеет прозрачную словообразовательную и морфемную структуру;

б) характеризуется хорошей выделяемостью корня (производящей основы);

в) входит в состав достаточно разветвленных языковых словообразовательных гнезд, включающих широкоупотребительные лексические единицы.

Например, наиболее высокий процент гнездовых реакций (более 20% от общего числа ассоциативных реакций) зафиксирован у существительных *дружба, матушка, старец, птенок*, отвечающих перечисленным признакам, тогда как наименьшее число реакций по линии корня-основы (не более 5% в составе ассоциативного поля) представлено в ассоциативных статьях стимулов *впечатление, предложение, сражение, передача, выборы, выставка, госпожа, кубики, бандит*, не удовлетворяющих хотя бы одному из поощряющих гнездование признаков.

3. Среди гнездовых реакций выделяются некоторые наиболее устойчивые их разновидности. К ним относятся следующие типы ассоциирования:

А) Реакции непосредственно и опосредованно мотивирующими словами. Данный тип реагирования возникает независимо от характера производящей базы слова-стимула, степени его производности, типа словообразовательной семантики. Ср. в материалах РАСШ²: S *вешалка* – R¹ *вешать*

тем «достаточным» числом, которое позволяет делать надежные выводы по всем параметрам семантической и грамматической структуры» [22. С. 141].

¹ Ср. аналогичное наблюдение Ю.Н. Караулова: практически во всех ассоциативных статьях стимулов (Словаря ассоциативных норм и Ассоциативного тезауруса) обнаруживаются гнездовые объединения слов [Там же. С. 139].

² Далее используются следующие условные обозначения: S – слово-стимул, R – слово-реакция.

40²; S *голосование* – R *голос* 88, *голосовать* 25; S *птенчик* – R *птица* 253, *птенец* 21.

При этом, как показывают приведенные примеры, в случаях несовпадения непосредственно мотивирующего и исходного (вершинного) слова соответствующего словообразовательного гнезда (рассматриваемого в качестве системно-языкового конструкта) психологическая связь с вершиной гнезда оказывается преобладающей (см. реакции на стимулы *голосование*, *птенчик*), т.е. наблюдается неполное совпадение моделируемых в лингвистических описаниях структурно-семантических отношений и психологически актуальных деривационных корреляций.

Б) Регулярные семантико-деривационные корреляции ассоциатов, которые по критерию их повторяемости при лексически различных стимулах могут быть отнесены к числу психологически активных разновидностей деривационных связей:

– наименования лиц мужского пола – их феминные корреляции: *господин* – *госпожа*, *учитель* – *учительница*, *волшебник* – *волшебница*;

– нейтральные номинации – производные с субъективно-оценочным значением: *мать* – *матушка*, *птенец* – *птенчик*, *птица* – *птаха*, *пташка*;

– признак, выраженный именем прилагательным, – субстантивированный (опредмеченный) признак: *старый* – *старость*, *волшебный* – *волшебство*, *простой* – *простота*;

– действия / состояния, выраженные глаголом, – субстантивированные (опредмеченные) действия / состояния: *впечатлять* / *впечатлить* – *впечатление*, *голосовать* – *голосование*, *предложить* / *предлагать* – *предложение*, *сражаться* – *сражение*, *молчать* – *молчание*;

– производные имена лиц – мотивирующие их единицы: *банда* – *бандит*, *воевать* – *воин*, *волшебный* – *волшебник*, *старый* – *старец*.

В) Типовые семантические блоки ассоциативного словообразовательного гнезда (АСГ)³, повторяющиеся у разных групп испытуемых. Типовые фраг-

¹ Реакции здесь приводятся с учетом лемматизации и с обобщением данных по возрастным группам испытуемых, выделенным в РАСШ. Более подробный материал см. в [27].

² Здесь и далее цифра обозначает количество соответствующих реакций.

³ Под ассоциативным словообразовательным гнездом понимаем совокупность всех однокоренных слов, представленных в ассоциативном поле слова-стимула. В отличие от языкового словообразовательного гнезда – научного конструкта, представляющего систему отношений производности между словами с тождественным корнем на данном синхронном срезе развития языка, АСГ является «строевой единицей АВС, отличающейся от системного гнезда прежде всего неполнотой и разрывностью» [22. С. 171]. АСГ представляет себя «в диссипативных структурах, т.е. концентрациях дериватов, только намекающих возможности создания гнезд вокруг некоторых корней в составе реакций» [28. С. 88]; «в ассоциативно-вербальной сети мы имеем дело не с целыми гнездами, а с тем, что можно назвать их следами» [22. С. 139]. АСГ эксплицирует психологически значимые (наиболее осознаваемые говорящими) связи однокоренных слов (ср. наблюдение Ю.Н. Караулова о том, что привлечение к исследованию обратного ассоциативного материала (статей обратных ассоциативных словарей) не расширяет состава гнездовых ассоциаций (и не увеличивает количества самих АСГ) [28. С. 88]). Структура ассоциа-

менты АСГ маркируют основные элементы осознаваемого говорящими содержания слова-стимула, нередко выделяют наиболее значимые концептуальные компоненты соответствующего понятия. Например, в типовом фрагменте АСГ на *S выборы* (*R выбрать, выбирать, выбор, избрать, избирать, избиратель*) представлены основные слоты фрейма события, обозначенного стимулом, – цель мероприятия и участник, определяющий его результат. Наличие типовых семантических блоков, выявляемых в составе АСГ, подчеркивает тесную связь деривационно-гнездовых связей со связями понятийно-тематическими, свидетельствует о концептуальной значимости словообразовательных гнезд, о том, что объединения однокоренных слов существуют в сознании носителей языка как комплексные репрезентанты соответствующих концептов.

Таким образом, анализ ассоциаций гнездового типа, во-первых, указывает на реальность словообразовательного гнезда как единицы языкового сознания (здесь наше заключение согласуется с выводом Б.Ю. Нормана, основанным на изучении текстовых корреляций однокоренных слов: «...объединение лексем по типу словообразовательных гнезд является психической реальностью» [29. С. 46]), во-вторых, свидетельствует о том, что компоненты языковых словообразовательных гнезд неоднородны с точки зрения их психологической значимости, в их составе могут быть выделены фрагменты, составляющие основу коммуникативной компетенции носителей языка, находящиеся в центральной зоне их предречевой готовности.

II. *Ассоциирование по линии словообразующего средства (словообразовательные типы и категории в АВС)*. Ассоциирование, опирающееся на осознание словообразовательных структур и словообразовательных значений, также регулярно обнаруживается в ассоциативном реагировании на стимулы производных имен существительных.

Одномодельные производные и/или производные, связанные со стимулом общностью словообразовательной семантики, отмечены во всех проанализированных ассоциативных статьях, хотя в целом количество таких реакций незначительно и не превышает в составе большинства ассоциативных полей 15% – так же, как и число гнездовых реакций.

Ср., например, названные типы реакций в ассоциативной статье стимула *впечатление* во всех возрастных группах респондентов в РАСШ:

1–4 кл.¹: удивление 12, внимание 1, возмущение 1, воспоминания 1, восхищение 1, запоминания 1, изумление 1, мнение 1, настроение 1, пение 1, посе-

тивного словообразовательного гнезда базируется не на отношениях упорядоченности мотивационных связей его членов (как это имеет место в языковом словообразовательном гнезде), а имеет ядерно-периферийный (полевой) характер. Ядро и периферия ассоциативного гнезда выделяются на основе критерия частотности реакций. Состав и структура ассоциативного словообразовательного гнезда принципиально вариативны (в пределах указанной выше стабильности), они определяются такими переменными, как структурно-семантические особенности слова-стимула, социальные характеристики испытуемых, от которых получен ассоциативный материал.

¹ Здесь и далее в 1-й строке приведены ассоциативные реакции, соотносимые со структурно-семантической моделью словообразовательного типа слова-стимула, во

ущение 1 (22 реакции данного типа, что составляет 6,6% от общего числа реакций (333 R) в ассоциативной статье стимула); *задумка 1* (1 реакция, 0,3%).

5–6 кл.: удивление 13, воспоминание 2, воспоминания 2, возмущение 1, изумление 1, ощущение сильное 1, представление 1 (21 реакция, 7,1% от 295 R в ассоциативной статье); *дума 2, предчувствие 1, раздумье 1* (4 реакции, 1,3%).

7–8 кл.: удивление 8, воспоминания 1, восхищение 1, знание 1, обаяние 1, обсуждение кого-то 1, предположение 1, разочарование 1, увлечение 1 (16 реакций, 5,4% от 297 R в ассоциативной статье); *раздумье 3, выигрыш 1, захват 1, игра 1, происшествие 1, смех 1* (8 реакций, 2,7%).

9–11 кл.: удивление 14, восхищение 2, мнение 2, увлечение 2, воодушевление 1, воспоминание 1, знания 1, ощущение 1, представление 1, удивления 1 (26 реакций, 8% от 322 R в ассоциативной статье); *восприятие 12, зависть 1, задумка 1, испуг 1* (15 реакций, 4,6%).

Выделяются некоторые условия, влияющие на активизацию одной из стратегий ассоциирования по линии словообразующего средства – стратегии одномодельного (типového) или стратегии общекатегориального (семантического) реагирования.

Активизации структурно ориентированной линии восприятия производного слова (реагированию одномодельными производными словами) способствуют следующие условия:

- прозрачность словообразовательной и морфемной структуры слова-стимула;
- продуктивность словообразовательной модели, обеспечивающая легкость ассоциирования с одноструктурными единицами;
- характер словообразовательного значения слова-стимула (см. смешанный – мутационно-модификационный – тип словообразовательного значения у стимулов *кубики, матушка*).

Ср., кроме приведенного выше примера на стимул *впечатление* с преобладанием структурно ориентированной линии реагирования среди реакций деривационного типа, также фрагменты ассоциативных статей других стимулов в РАСШ, в которых доля одномодельных реакций относительно высока (значительно выше, чем в ассоциативных статьях других стимулов, см. ниже примеры на стимулы *воин, дружба, бандит*, ассоциативные статьи которых не содержат реакций этого типа)¹:

– Реакции на стимул *простота*:

1–4 кл.: доброта 3, долгота 3, красота 2, быстрота 1, пустота 1, чистота 1 (11 структурно ориентированных реакций, 36,7% от всех узуальных реакций (30 R) по линии словообразующего средства в ассоциативной статье стимула);

2-й строке – реакции, объединенные со словом-стимулом только общностью словообразовательной семантики (принадлежностью одной словообразовательной категории).

¹ Здесь учтены только примеры реагирования узуальными словами; окказиональные реакции будут рассмотрены ниже.

5–6 кл.: *доброта 8, красота 1* (9 реакций, 23,7% от 38 R по линии словообразующего средства в ассоциативной статье);

7–8 кл.: *доброта 8, беднота 4, пустота 2, красота 1, нищета 1, чистота 1, щедрота 1* (18 реакций, 32,1% от 56 R по линии словообразующего средства в ассоциативной статье);

9–11 кл.: *доброта 16, красота 5, беднота 2, духота 2, пустота 1, чистота 1* (27 реакций, 24,5% от 110 R по линии словообразующего средства в ассоциативной статье).

– Реакции на стимул кубики:

1–4 кл.: *рубрики 8, домик 3, квадратики 2, кирпичики 2, шарики 2, мячики 1, рубрики 1, шарик 1* (20 реакций, 58,8% от 34 R по линии словообразующего средства в ассоциативной статье);

5–6 кл.: *рубрики 19, квадратики 5, домик 3, квадратик 2, шарики 2, колесики 1, ромбик 1, ромбики 1, шарик 1* (35 реакций, 77,8% от 45 R по линии словообразующего средства в ассоциативной статье);

7–8 кл.: *рубрики 38, квадратики 4, домик 3, квадратик 2, шарики 2, квадратики цветные 1, мячик 1, ромбики 1* (52 реакции, 89,6% от 58 R по линии словообразующего средства в ассоциативной статье);

9–11 кл.: *рубрики 49, квадратики 8, шарик 4, ромбики 3, домик 2, кирпичики 1, мультики 1, мячик 1, мячики 1, пакетики 1, садик 1* (72 реакции, 93,5% от 77 R по линии словообразующего средства в ассоциативной статье).

– Реакции на стимул матушка:

1–4 кл.: *бабушка 19, дядюшка 1, латушка 1* (21 реакция, 70% от 30 R по линии словообразующего средства в ассоциативной статье);

5–6 кл.: *бабушка 4, батюшка 2, девушка 1* (7 реакций, 58,3% от 12 R по линии словообразующего средства в ассоциативной статье);

7–8 кл.: *бабушка 3, батюшка 3, дедушка 2* (8 реакций, 88,9% от 9 R по линии словообразующего средства в ассоциативной статье);

9–11 кл.: *батюшка 5, бабушка 2, дедушка 1* (8 реакций, 47% от 17 R по линии словообразующего средства в ассоциативной статье).

Активизация стратегии реагирования по линии словообразовательного значения слова-стимула (семантическая стратегия) наблюдается в случаях непродуктивности словообразовательной модели слова-стимула, а также во всех «чистых» разновидностях словообразовательной семантики стимула. Ср. в РАСШ:

– Реакции на стимул бандит (в ассоциативной статье стимула во всех возрастных группах респондентов 100% реакций, относящихся к группе ассоциаций по линии словообразующего средства, являются семантически ориентированными, откликающимися на значение словообразующего форманта):

1–4 кл.: *убийца 15, преступник 4, разбойник 2, мошенник 1.*

5–6 кл.: *убийца 18, грабитель 11, преступник 7, мошенник 3, разбойник 3, наемник 1, террорист 1, убийцы 1, человек-разбойник 1.*

7–8 кл.: *убийца 17, преступник 6, разбойник 5, грабитель 3, мошенник 1, насильник 1.*

9–11 кл.: *убийца 8, преступник 6, грабитель 4, разбойник 4, драчун 1, мошенник 1, наемник 1, рецидивист 1.*

– Реакции на стимул *воин* (во всех возрастных группах респондентов 100% семантически ориентированных деривационных реакций):

1–4 кл.: *боец 7, защитник 2, охотник 2.*

5–6 кл.: *защитник 11, боец 3, боец 1, разбойник 1.*

7–8 кл.: *защитник 9, боец 8, защитник родины 1, пахарь 1, победитель 1.*

9–11 кл.: *защитник 9, боец 5, стрелок 2, крестоносец 1, спаситель 1, убийца 1.*

– Реакции на стимул *дружба* (в возрастных группах 1–4 кл., 5–6 кл., 7–8 кл. 100% семантически ориентированных деривационных реакций):

1–4 кл.: *игра 7, ссора 5, любовь 3, разлука 3, помощь 2.*

5–6 кл.: *любовь 15, ссора 7, разлука 2, игра 1, лад 1, отношение 1, победа 1.*

7–8 кл.: *любовь 7, доверие 3, игра 1, общение 1, помощь 1.*

9–11 кл.: *любовь 11, понимание 2, взаимоотношения 1, взаимопомощь 1, доверие 1, отношение 1, совмещение 1, согласие 1, уважение 1 (90,9% семантически ориентированных деривационных реакций)¹.*

В случаях реализации семантической стратегии деривационного ассоциирования (т.е. реагирования по линии словообразовательного значения слова-стимула), конечно же, проявляются и тематические связи слова-стимула, однако очевидно, что деривационная семантика слова-стимула тоже осознается респондентами – все примеры, иллюстрирующие семантико-деривационную ассоциативную стратегию, повторяют общекатегориальное словообразовательное значение слова-стимула, принадлежат той же семантико-словообразовательной категории (см. выше), что и слово-стимул.

По всей видимости, вербальные ассоциации, эксплицирующие словообразовательную семантику слова-стимула, находятся на пересечении ассоциирования собственно тематического и собственно деривационного (последнее опирается на конкретную структурно-семантическую схему строения производного слова-стимула).

III. *Взаимодействие деривационных и тематических связей слов в ассоциативно-вербальных реакциях.*

Тесное взаимодействие деривационных и тематических связей слов в АВС говорящих особенно наглядно выявляется на материале группы слов, включающей производные слова, которые объединены двумя типами связей – общностью словообразовательного типа / словообразовательной категории и общностью референциального значения (находящиеся в отношениях лексической синонимии): *учитель, учительница, преподаватель, преподавательница, наставник, наставница*. Анализ данной группы слов проводился на материале электронной версии РАС с учетом не только

¹ В группе реакций по линии словообразующего средства в данной возрастной группе респондентов имеется одна структурно ориентированная реакция – *служба 1*.

прямых, но и обратных ассоциативных связей, т.е. во внимание принимались не только те ассоциативные поля, в которых названные производные слова выступают в качестве стимулов, но также и те, в которых эти слова являются реакциями на другие стимулы (прежде всего однокоренные со словами анализируемой группы слов).

Исследование показало, что в процессах восприятия изучаемых имен лиц задействованы как их формально-семантические связи с производящими словами, так и связи ономаσιологические, понятийные.

Формально-семантические мотивации по линии корня/основы, а также по линии общности словообразовательного средства фиксируются в ассоциативных парах *S* ученик – *R* учитель 8, учителя 1; *S* соученик – *R* учитель 5, учителя 1, учителя моего 1; *S* учить – *R* учитель 4, учителя 1; *S* учитель – *R* мучитель 3, преподаватель 2, ученик 2; *S* учительница – *R* учитель 7, наставница 1; *S* научить – учитель 2; *S* учащийся – учитель 1; *S* учительская – учитель 2; *S* наставник – *R* наставляет 1; *S* преподаватель – *R* учитель 8, мучитель 1, слушатель 1; *S* руководитель – *R* учитель 1. Безусловно, и в этом ряду ассоциаций, объединенных морфемной общностью (общностью корня или словообразовательного аффикса), очевидны также и связи ситуативно-тематические (учитель – ученик, учащийся, учительская; преподаватель – слушатель). Однако еще более отчетливы тематические связи в ассоциатах, не имеющих формальной общности.

Взаимодействие семантико-деривационной стратегии ассоциирования (по линии категориального словообразовательного значения) и понятийно-тематических мотивов вербальных ассоциаций проявляется в ассоциативных связях типа *S* учитель – *R* наставник 1; *S* преподаватель – *R* наставник 1; *S* наставник – учитель 35, преподаватель 1; *S* учительница – *R* преподаватель 8, наставник 2. В подобных случаях ассоциативной связью скреплены производные слова с тождественной ономаσιологической структурой, т.е. включенные в один понятийный класс как по линии ономаσιологического базиса (отнесенность к категории «деятель» выражена суффиксально), так и по линии ономаσιологического признака (выраженного производящей основой), характеризующего род деятельности. При этом общность референции рассматриваемых имен лиц (отношения лексической синонимии) обуславливает нейтрализацию различий (дифференциальных компонентов) в зоне ономаσιологического признака, что приводит к вариативности его лексических заполнителей. В процессе ассоциирования роль признаков, мотивационных единиц для каждого из анализируемых имен лиц с равной вероятностью могут выполнять глаголы *учить*, *преподавать*, *наставлять*. Ср.: *S* учить – *R* преподаватель 2; *S* преподаватель – *R* учить 1, *учит* 1; *S* обучение – преподаватель 2; *S* преподавать – *R* учительница 1.

Нейтрализация, укрупнение дифференциальных семантических признаков охватывает и ономаσιологический базис, нивелируя различия между отдельными частными подкатегориями семантико-словообразовательной категории, ср., например, нейтрализацию семантики феминности (в каче-

стве дифференциального признака в составе категории агенса) в ассоциациях на *S учительница – R преподаватель, наставник*. Редукция семантики феминности в ассоциативных связях феминативов отражает также производный характер данного семантического компонента, его когнитивно-коммуникативную вторичность, факультативность по отношению к семантике маскулинности.

Пересечение разнокорневых производных на основе их тематической общности отражают также такие ассоциаты, как *S учительская – R преподаватель I*; *S соученик – R преподавателя I*.

Сила формально-семантических и понятийно-тематических связей неодинакова в сознании носителей русского языка для каждого из анализируемых имен лиц. Как показывают приведенные выше примеры, наиболее значимы формально-семантические словообразовательные связи для имени *учитель*, слабее связи этого типа у слов *учительница, преподаватель*, слабо выражены они у существительных *наставник* и *наставница* и вовсе не представлены в ассоциативных связях слова *преподавательница* (этот феминатив отмечен лишь в ассоциативной паре *S грамотная – R преподавательница I*). Ранжирование обсуждаемых имен лиц на шкале формально-семантических / ономазиологических вербальных ассоциаций еще раз подтверждает высказанное положение о зависимости деривационной стратегии осознания слова (ее проявленности и характера) от объема его языкового словообразовательного гнезда и речевой употребительности.

IV. *Окказиональное ассоциирование, реализующее деривационную стратегию осознания слова-стимула.*

Все проанализированные нами виды деривационных связей производных слов в вербальных ассоциациях находят подтверждение в разных случаях окказионального ассоциирования. К окказиональным ассоциациям мы относим, во-первых, случаи реагирования квазисловами (они приведены со знаком *), появление которых спровоцировано концентрацией фокуса внимания респондентов на компонентах структуры производного слова-стимула. Во-вторых, в качестве окказиональных нами рассматриваются те узуальные слова-реакции, которые весьма условно, на основе внешнего сходства соотносятся с корневой или формантной частью производного слова-стимула и являются в этом смысле тоже квазикопиями элементов его структуры. В подобных реакциях реализована наивная стратегия воспроизведения словообразовательной структуры стимула, воспринимаемой нередко «лишь по внешнему сходству... но далеко не всегда по морфологическому составу»; такие ассоциации «являются аналогами деривационной структуры стимула» [28. С. 88].

В нашем материале отмечены окказиональные реакции (а) гнездового типа; (б) реакции, копирующие словообразовательную модель слова-стимула или откликающиеся на его морфемную / фонетическую структуру (аналогические); (в) реакции, в которых ассоциирование опирается на значение словообразовательного форманта слова-стимула. Ср. в РАСШ:

а) Окказиональные реакции гнездового типа:

S выборы – *R* *вборы 1, *выбрание 1, *избирательство 1, *переборы 1, *хрыборы 1;

S выставка – *R* *выставление 2, *выстанавливать 2;

S кубики – *R* *кубечница 1;

S передача – *R* *передачный 1.

Проявлением окказиональной стратегии ассоциативного реагирования служит также регулярное ассоциирование слова-стимула с единицами других словообразовательных гнезд по принципу корневого созвучия (наличия совпадающих звуковых элементов в корнях ассоциируемых слов) – своего рода квазигнездовое реагирование. Ср.:

S вешалка – *R* висит 10, виселица 9, весит 6, висеть 5, весить 2, вес 1, весы 1;

S воин – *R* вой 2¹;

S впечатление – *R* печать 5, печь 1, печка 1;

S выборы – *R* бор 1;

S кубики – *R* кубинцы 1;

S передача – *R* удача 1;

S предложение – *R* предлог 31;

S простота – *R* простить 2, простор 2, просторно 2, просторная 1, простуда 1, простынь 1, простыня 1;

S старец – *R* стоять 3, стая 2, стол 2, таять 2, стал 1.

Явление контаминации, «пересечения» в одной и той же ассоциативной статье компонентов разных, но близких гнезд, отмечено Ю.Н. Карауловым как свидетельство смешения в наивном языковом сознании среднего носителя «синхронических законов словообразования и диахронических связей между разными корнями и основами» [22. С. 158]. Добавим к этим наблюдениям, что контаминация единиц разных словообразовательных гнезд, как показывают приведенные примеры, имеет нередко и сугубо формальную основу, базируясь на звуковом сходстве разных, этимологически не связанных корней-основ.

б) Одномодельные окказиональные реакции:

S выставка – *R* *выпалка 1, *выступка 1, *выноска 1;

S голосование – *R* *орание 1;

S матушка – *R* *папушка 5;

S молчание – *R* *читание 1;

S простота – *R* *легкота 6, *сложнота 2, *скромнота 1, *труднота 1, *умнота 1.

Вариантом стратегии одномодельного реагирования является аналогическое ассоциирование, которое обнаруживается в реакциях, не строго повторяющих структурно-семантическую модель слова-стимула, а лишь отдельные элементы его морфемной или фонетической структуры. Ср.:

¹ Данная реакция может быть также интерпретирована как результат декомпозиционной операции в отношении суффиксально-производного слова-стимула, разлагаемого на компоненты *вой-* и *-ин*.

- S* волшебник – *R* *изумрудник 1;
S выборы – *R* выбивание 1, вымыл 1, вышли 1;
S выставка – *R* выстрел 2, выступаю 2, поделка 2, выбирайте 1, выбирают 1, выгуливать 1, выдаёт 1, вынул 1, высок 1, выступать 1, лепка 1, подделка 1;
S кубики – *R* бублики 2, *друбики 1, мультики 1, ходики 1, ящички 1;
S матушка – *R* матрёшка 3, старушка 2, катушка 1, подушка 1;
S птенчик – *R* венчик 1, голубчик 1, *денчик 1, любимчик 1, *набекренчик 1, чепчик 1;
S старец – *R* младенец 4, горец 3, заяц 2, *государец 1, жрец 1, индеец 1, *марец 1, *марец-барец 1, огурец 1, палец 1, песец, 1 *поставец 1.
 в) Оказиональные слова-реакции, ориентированные на значение словообразовательного форманта слова-стимула¹:
S воин – *R* *сражатель 1;
S волшебник – *R* *творитель 2, *магист 1;
S впечатление – *R* *задумье 1, *размышленность 1, *чувствие 1;
S простота – *R* *бестолковые 1, *добрость 1, *лопушиность 1, *умность 1;
S птенчик – *R* *пусик 1.

Оказиональные реакции подтверждают психологическую реальность разнонаправленных деривационных связей слов. Они свидетельствуют также о тесном взаимодействии, пересечении деривационных и понятийно-тематических связей. Ср.: *матушка* – *R* *папушка; *S* простота – *R* *сложнота, *труднота, *умность, *бестолковые, *добрость, *лопушиность; *S* волшебник – *R* *изумрудник, *творитель, *магист; *S* воин – *R* *сражатель; *S* впечатление – *R* *чувствие.

По нашим наблюдениям, соотношение собственно деривационных и понятийно-тематических связей меняется в пользу последних с возрастом говорящих.

Так, с возрастом ослабевает сила мотивационных связей производных слов-стимулов со своими производящими. Чем старше группа информантов, тем менее частотны такие реакции. Типичным является следующее соотношение: *R* *вешать* (с учетом лемматизации встречающихся в ассоциативном гнезде словоформ) на *S* *вешалка* в группе испытуемых 1–4 кл. встретила 25 раз; у учащихся 5–6 кл. ее частотность равна 8; в группах респондентов 7–8 кл. – 6 таких реакций; 9–11 кл. – 1 реакция; в РАС (испытуемые – в основном молодежь студенческого возраста) мотивирующий глагол в ассоциативном гнезде стимула не представлен. Ср. также: *R* *ста-*

¹ В приведенных в этом пункте примерах ассоциативной связью объединены слова разных структурно-семантических типов (производные разных словообразовательных моделей), связанные лишь общностью значения формантных частей ассоциатов. Вербальные ассоциации, откликающиеся на значение словообразующего форманта слова-стимула, могут служить показательным материалом для выяснения сущности словообразовательного значения, не имеющего общепринятого определения (о трактовках данного феномена см., напр., [30]).

вить на *S выставка*: 1–4 кл. – 5; 5–6 кл. – 1; 7–8 кл. – 1; у учащихся 9–11 кл. и у информантов РАС такая ассоциативная связь отсутствует; *R дать* на *S передача* представлена только в возрастных группах с 1-го по 6-й кл.; *R брать* на *S выборы* и *R банда* на *S бандит* встретились только в вербальных ассоциациях учащихся младшей возрастной группы – 1–4 кл.

Напротив, в положительной корреляции с возрастом информантов находится динамика стратегии семантического реагирования. С возрастом этот тип реагирования приобретает все больший вес. Ср., например, соотношение «структурных» реакций, ориентированных на точное копирование структурно-семантической модели слова-стимула (а), и реакций «семантических», базирующихся на ономаσιологической общности, общности категориального значения (б), в ассоциативных полях стимула *сражение* у младшей и старшей возрастных групп школьников:

1–4 кл.: (а) *жжение, расписание, выражение, уменьшение, *пересражение* (всего 7 таких реакций); (б) *война, битва, бой, борьба, драка, победа, убийство, выигрыш, побоище, схватка* (всего 126 реакций этого типа);

9–11 кл.: (а) *вычитание* (1 реакция); (б) *битва, война, бой, борьба, убийство, драка, победа, бойня, схватка, война с немцами, выстрел, гибель, кровопролитие, Ледовое побоище, побои, потери, резня, свалка, спор, удар* (всего 160 реакций).

Возрастной тренд в сторону активизации собственно семантической стратегии в кластере деривационно ориентированного ассоциирования показывают и окказиональные реакции. Если у младших школьников такие окказиональные реакции чаще реализуют структурный тип ассоциирования, то у старших носят семантический характер.

Заключение

Анализ деривационной стратегии реагирования на производные слова-стимулы позволяет сформулировать ряд положений о деривационных связях слов как компоненте языкового сознания говорящих.

1. Деривационные связи слов выступают как существенный, но не основной компонент языкового сознания говорящих. Преобладают связи понятийно-тематического характера. Основным мотивом ассоциативных реакций на стимул является объективация его содержательных (концептуальных) связей, а реакции, опирающиеся на словообразовательную структуру слов, их деривационные отношения, выступают в роли удобного механизма, компактного средства осуществления по преимуществу ономаσιологической стратегии восприятия слова.

2. Условиями активизации деривационных связей, композиционного осознания слова являются следующие факторы: прозрачная словообразовательная и морфемная структура, значительный объем соответствующего языкового словообразовательного гнезда, продуктивность словообразовательной модели.

3. Психологическое осознание деривационных связей не полностью соответствует их моделированию на собственно языковом материале; структурно-семантические и психолингвистические модели деривационных отношений находятся в отношениях частичного совпадения.

4. Разные виды деривационных связей единиц языка занимают неодинаковое место в языковом сознании говорящих (различны с точки зрения своей психологической силы) и носят вариативный и динамический характер.

5. Анализ деривационных связей слов в АВС носителей языка показывает, что производимые говорящими словообразовательные акты опираются как на выработанные речевой практикой и закрепленные в языковом узусе регулярные и продуктивные словообразовательные образцы, так и на принцип аналогии, значимость которого в реальных процессах словообразовательной деривации подчеркнута на другом материале, например в [31. С. 72–73; 32. С. 258–263].

6. Изучение деривационных связей слов в АВС носителей языка дает новый репрезентативный материал для развития концепции о роли психологического осознания структурно-семантических компонентов слова в сложении словообразовательных типов (моделей) (см., например, [8. С. 77–78; 29. С. 219]). Обращение к показаниям языкового сознания (в совокупности с данными о текстовых связях производных слов) служит тем инструментом, который дает возможность дополнить структурно-семантическое (системно-языковое) моделирование словообразовательных отношений построением словопроизводственных моделей, участвующих в процессах актуальной речевой деятельности говорящих.

Литература

1. *Русская грамматика* / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. Т. 1. 789 с.
2. *Кронгауз М.А.* Семантика. М. : Академия, 2001. 399 с.
3. *Блинова О.И.* Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 192 с.
4. *Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья* / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1982. Т. 1. 267 с.; 1983. Т. 2. 243 с.
5. *Ростова А.Н.* Показания языкового сознания носителей диалекта как источник лексикологического исследования : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1983. 17 с.
6. *Демешикина Т.А.* Типы смысловых отношений мотивационно связанных слов (лексикологический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1984. 21 с.
7. *Тубалова И.В.* Показания языкового сознания как источник изучения явления мотивации слов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1995. 18 с.
8. *Сахарный Л.В.* К экспериментальному исследованию осознания значения слова (соотношение лексического значения и словообразовательной структуры) // *Живое слово в русской речи Прикамья. Ученые записки Пермского государственного университета. Вып. 3. 1972. № 268. С. 57–78.*
9. *Сахарный Л.В.* Словообразование в речевой деятельности (образование и функционирование производного слова в русском языке) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1980. 37 с.
10. *Сахарный Л.В.* Осознание и объяснение производных слов детьми дошкольниками // *Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1992. С. 4–24.*

11. *Голев Н.Д.* Варьирование деривативных контекстов как способ выявления и изучения потенциала деривационного функционирования слова // Явление вариативности в языке. Кемерово, 1994. С. 83–85.
12. *Гусар Е.Г.* Роль суппозитивного фактора в деривации означаемого лексической единицы текста (на материале современного русского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1995. 21 с.
13. *Пересыпкина О.Н.* Мотивационные ассоциации лексических единиц русского языка (лексикографический и теоретический аспекты) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1998. 25 с.
14. *Доронина Н.И.* Условия реализации деривационного потенциала слов русского языка (на материале деривационно-ассоциативного эксперимента) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999. 24 с.
15. *Катышев А.П.* Полимотивированность деривата как показатель интенсивности русского языкового мышления // Актуальные проблемы современного словообразования. Томск, 2006. С. 67–91.
16. *Антипов А.Г.* Морфонологические модели русского словообразования (на материале метаязыковой фантазии коммуникантов) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 2. С. 89–93.
17. *Денисова Э.П.* Экспериментальное моделирование иконичности словообразовательной формы производного слова (на материале окказиональной деривации) // Кемеровская дериватологическая школа: традиции и новаторство. М., 2011. С. 317–380.
18. *Оленёв С.В.* Способы словообразования в лингвоперсоналогическом измерении (на материале симулятивного психолингвистического эксперимента) // Кемеровская дериватологическая школа: традиции и новаторство. М., 2011. С. 266–280.
19. *Голев Н.Д.* Динамический аспект лексической мотивации. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1989. 252 с.
20. *Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка* / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 1998. 251 с.
21. *Голев Н.Д.* Деривационные ассоциации русских слов: теоретический и лексикографический аспекты // Вопросы лексикографии. 2012. № 2. С. 5–25.
22. *Караулов Ю.Н.* Ассоциативная грамматика русского языка. 2-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 328 с.
23. *Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов* : в 2 т. / В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, А.О. Мартынов. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2011.
24. *Русский ассоциативный словарь* / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М. : Помовский и партнеры, 1994–1998. Кн. 1–6.
25. *Русский ассоциативный словарь*. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>
26. *Кузнецова Т.В.* Лексико-семантический потенциал словообразовательных структур (на материале моделей семантико-словообразовательной категории 'становление / приобретение признака') : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. 23 с.
27. *Крючкова О.Ю., Крючкова Н.В.* Словообразовательные гнезда производных стимулов-существительных в русских ассоциативных словарях // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В.Е. Гольдина / отв. ред. О.Ю. Крючкова, Л.П. Крысин. Москва ; Саратов : Амирит, 2015. С. 251–264.
28. *Караулов Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М. : ИРЯ РАН, 1999. 180 с.
29. *Норман Б.Ю.* Грамматика говорящего. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1994. 229 с.
30. *Кадкалова Э.П.* Что такое словообразовательное значение // Лексическая и словообразовательная семантика русского языка. Саратов, 1990. С. 25–35.
31. *Кубрякова Е.С.* Рецензия на книгу И.С. Улуханова «Мотивация в словообразовательной системе русского языка». М. : Азбуковник, 2005. 314 с. // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66, № 1. С. 71–73.

32. Кадькалова Э.П. Выход в теорию словообразования: к вопросу о соотношении понятий *словообразовательная производительность* и *словообразовательная мотивированность*. Саратов : Буква, 2015. 341 с.

Associative Perception of Derivative Words: Variation and Dynamics Factors

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 66. 88–106. DOI: 10.17223/19986645/66/5

Olga Yu. Kryuchkova, Saratov State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: vpks@rambler.ru

Nadezhda V. Kryuchkova, Maritime State University named after Admiral G.I. Nevelskoy (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: kryuchkovav@yandex.ru

Keywords: derivative word, word associations, derivational correlations of words, linguistic consciousness.

The article aims to study the factors influencing the variations and dynamics of derivative relations in the Associative Word Network (AWN); to reveal the linguistic and extralinguistic conditions of activating different types of derivational relations; to analyse the character of interaction between derivational and thematic connections of derivatives in the native speakers' AWN. The research is conducted on the material of derivative nouns with different derivational structures, belonging to different derivative semantic types. The selected units also represent some types of derivative and lexical paradigmatic relations (commonness of derivational type/category, lexical synonymy). The derivational heterogeneity of the selected units allows taking into account a great variety of factors influencing the nature of word association processes. The source of the material is *Russian Associative Dictionary: Associative Reactions of Schoolchildren in Grades 1–11* (2011) and *Russian Associative Dictionary* (1994–1998). The studied units are the headwords of dictionary entries (stimuli in the associative experiments). The authors studied the derivational relations of stimuli words: association through the root stem, through the structure, and through the semantics of the derivative means; they also revealed the correlations between derivational and thematic connections of derivative words in the native speakers' AWN. The authors' main conclusions are: (1) different types of linguistic units' derivational relations occupy different places in speakers' linguistic consciousness and have a variable and dynamic character; (2) the conditions for activating derivational connections and compositional word perception are a transparent derivational and morphemic structure, a considerable size of the corresponding family of words, productivity of a specific derivational pattern; (3) the psychological awareness of derivational connections of words is based on both regular and productive derivational patterns, entrenched in language usage, and on the analogy principle; (4) derivational relations are a significant but not the main component of speakers' linguistic consciousness (the share of associations driven by the morphemic and derivational structure of a stimulus does not exceed 15% of the general number of associations to this specific stimulus); prevailing are the notion- and theme-based connections; (5) the balance between derivational and notion- and theme-based connections is changing in the favour of the latter as the speakers' age grows.

References

1. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
2. Krongauz, M.A. (2001) *Semantika* [Semantics]. Moscow: Akademiya.
3. Blinova, O.I. (1984) *Yavlenie motivatsii slov: Leksikologicheskii aspekt* [The Phenomenon of Word Motivation: The Lexicological Aspect]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Blinova, O.I. (ed.) (1982–1983) *Motivatsionnyy dialektnyy slovar': Govory Srednego Priob'ya* [Motivational Dialect Dictionary: Dialects of the Middle Ob Region]. Vols 1–2. Tomsk: Tomsk State University.

5. Rostova, A.N. (1983) *Pokazaniya yazykovogo soznaniya nositeley dialekta kak istochnik leksikologicheskogo issledovaniya* [Indications of Linguistic Consciousness of Dialect Speakers as a Source of Lexicological Research]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
6. Demeshkina, T.A. (1984) *Tipy smyslovykh otnosheniy motivatsionno svyazannykh slov (leksikologicheskii aspekt)* [Types of Semantic Relations of Motivationally Related Words (Lexicological Aspect)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
7. Tubalova, I.V. (1995) *Pokazaniya yazykovogo soznaniya kak istochnik izucheniya yavleniya motivatsii slov* [Indications of Linguistic Consciousness as a Source of Studying the Phenomenon of Word Motivation]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
8. Sakharnyy, L.V. (1972) K eksperimental'nomu issledovaniyu osoznaniya znacheniya slova (sootnoshenie leksicheskogo znacheniya i slovoobrazovatel'noy struktury) [Towards an experimental study of the awareness of the meaning of a word (the ratio of lexical meaning and word-formation structure)]. In: Genkel', M.A. (ed.) *Zhivoe slovo v russkoy rechi Prikam'ya* [Living Word in Russian Speech of the Kama Region]. 3. Perm: [s.n.], pp. 57–78.
9. Sakharnyy, L.V. (1980) *Slovoobrazovanie v rechevoy deyatel'nosti (obrazovanie i funktsionirovanie proizvodnogo slova v russkom yazyke)* [Word Formation in Speech Activity (Formation and Functioning of a Derivative Word in Russian)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Leningrad.
10. Sakharnyy, L.V. (1992) Osoznanie i ob'yasnenie proizvodnykh slov det'mi-doshkol'nikami [Realisation and explanation of derivative words by preschool children]. In: Skitova, F.L. (ed.) *Zhivoe slovo v russkoy rechi Prikam'ya* [Living Word in Russian Speech of the Kama Region]. Perm: Perm State University. pp. 4–24.
11. Golev, N.D. (1994) [Variation of derivative contexts as a way to identify and study the potential of derivational functioning of a word]. *Yavlenie variativnosti v yazyke* [The Phenomenon of Variability in Language]. Proceedings of the All-Russian Conference. Kemerovo. 13–15 December 1994. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 83–85. (In Russian).
12. Gusar, E.G. (1995) *Rol' suppozitivnogo faktora v derivatsii oznachaemogo leksicheskoy edinitsey teksta (na materiale sovremennogo russkogo yazyka)* [The Role of the Suppositional Factor in the Derivation of the Signified Lexical Unit of the Text (Based on the Material of the Modern Russian Language)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Barnaul.
13. Peresypkina, O.N. (1998) *Motivatsionnye assotsiatsii leksicheskikh edinitz russkogo yazyka (leksikograficheskiy i teoreticheskiy aspekty)* [Motivational Associations of Lexical Units of the Russian Language (Lexicographic and Theoretical Aspects)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Barnaul.
14. Doronina, N.I. (1999) *Usloviya realizatsii derivatsionnogo potentsiala slov russkogo yazyka (na materiale derivatsionno-assotsiativnogo eksperimenta)* [Conditions for the Realisation of the Derivational Potential of Russian Words (Based on the Derivational-Associative Experiment)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Barnaul.
15. Katyshev, A.P. (2006) [The polymotivation of the derivative as an indicator of the intensity of Russian linguistic thinking]. *Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovaniya* [Actual Problems of Modern Word Formation]. Proceedings of the International Conference. Kemerovo. 1–3 July 2005. Tomsk: Tomsk State University. pp. 67–91. (In Russian).
16. Antipov, A.G. (2010) Morphological models of Russian word-building (on the material of meta-language fantasy of communicants). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 2. pp. 89–93. (In Russian).
17. Denisova, E.P. (2011) Eksperimental'noe modelirovanie ikonichnosti slovoobrazovatel'noy formy proizvodnogo slova (na materiale okkazional'noy derivatsii) [Experimental modeling of the iconicity of the derivative word derivational form (based on occasional derivation)]. In: Araeva, L.A. et al. *Kemerovskaya derivatologicheskaya shkola:*

traditsii i novatorstvo [Kemerovo Derivatological School: Traditions and Innovation]. Moscow: URSS. pp. 317–380.

18. Olenev, S.V. (2011) *Sposoby slovoobrazovaniya v lingvopersonologicheskom izmerenii (na materiale simulyativnogo psikholingvisticheskogo eksperimenta)* [Ways of word formation in the linguopersonological dimension (based on the material of a simulative psycholinguistic experiment)]. In: Araeva, L.A. et al. *Kemerovskaya derivatologicheskaya shkola: traditsii i novatorstvo* [Kemerovo Derivatological School: Traditions and Innovation]. Moscow: URSS. pp. 266–280.

19. Golev, N.D. (1989) *Dinamicheskiy aspekt leksicheskoy motivatsii* [The Dynamic Aspect of Lexical Motivation]. Tomsk: Tomsk State University.

20. Golev, N.D. (ed.) (1998) *Ocherki po lingvisticheskoy determinologii i derivatologii russkogo yazyka* [Essays on Linguistic Determinology and Derivatology of the Russian Language]. Barnaul: Altai State University.

21. Golev, N.D. (2012) Derivational associations of Russian words: theoretical and lexicographical aspects. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2. pp. 5–25. (In Russian).

22. Karaulov, Yu.N. (2010) *Assotsiativnaya grammatika russkogo yazyka* [Associative Grammar of the Russian Language]. 2nd ed. Moscow: Izd-vo LKI.

23. Gol'din, V.E., Sdobnova, A.P. & Mart'yanov, A.O. (2011) *Russkiy assotsiativnyy slovar': assotsiativnye reaktsii shkol'nikov I–XI klassov* [Russian Associative Dictionary: Associative Reactions of Schoolchildren in Grades 1–11]. Saratov: Saratov State University.

24. Karaulov, Yu.N. et al. (1994–1998) *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian Associative Dictionary]. Vols 1–6. Moscow: Pomovskiy i partner.

25. Taurus.ru. (n.d.) *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian Associative Dictionary]. [Online] Available from: <http://taurus.ru/dict/dict.php>.

26. Kuznetsova, T.V. (2004) *Leksiko-semanticheskiy potentsial slovoobrazovatel'nykh struktur (na materiale modeley semantiko-slovoobrazovatel'noy kategorii 'stanovlenie / priobretenie priznaka')* [The Lexico-Semantic Potential of Word-Formation Structures (On the Material of Models of the Semantic-Word-Formation Category 'Formation/Acquisition of a Feature')]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.

27. Kryuchkova, O.Yu. & Kryuchkova, N.V. (2015) *Slovoobrazovatel'nye gnezda proizvodnykh stimulov-sushchestvitel'nykh v russkikh assotsiativnykh slovaryakh* [Word families of derivative stimuli-nouns in Russian associative dictionaries]. In: Kryuchkova, O.Yu. & Krysin, L.P. (eds) *Yazyk v prostranstve rechevykh kul'tur: K 80-letiyu V.E. Gol'dina* [Language in the Space of Speech Cultures: To the 80th Anniversary of V.E. Goldin]. Moscow; Saratov: Amirit. pp. 251–264.

28. Karaulov, Yu.N. (1999) *Aktivnaya grammatika i assotsiativno-verbal'naya set'* [Active Grammar and Associative-Verbal Network]. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute RAS.

29. Norman, B.Yu. (1994) *Grammatika govoryashchego* [Speaker Grammar]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.

30. Kad'kalova, E.P. (1990) *Chto takoe slovoobrazovatel'noe znachenie* [What is word-formation meaning]. In: Cherepanov, M.V. (ed.) *Leksicheskaya i slovoobrazovatel'naya semantika russkogo yazyka* [Lexical and Word-Formation Semantics of the Russian Language]. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute named after K.A. Fedin. pp. 25–35.

31. Kubryakova, E.S. (2007) I.S. Ulukhanov. Motivation in the Word-formation System of the Russian Language. Moscow: Azbukovnik, 2005. 314 pp. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 1 (66). pp. 71–73. (In Russian).

32. Kad'kalova, E.P. (2015) *Vykhod v teoriyu slovoobrazovaniya: k voprosu o sootnoshenii ponyatiy slovoobrazovatel'naya proizvodnost' i slovoobrazovatel'naya motivirovannost'* [A Way to the Theory of Word Formation: On the Relationship between the Concepts of Word-Formation Derivation and Word-Formation Motivation]. Saratov: Bukva.